

ПАРТИЙНО-СОВЕТСКАЯ ЭЛИТА В 1922–1928 ГГ.: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ЛИНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Фельдман М. А.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий, Уральский институт управления – филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, feldman-mih@yandex.ru

УДК 94(470)''1922/1928''-058.24

ББК 63.3(2)613-28

В статье на основе использования анализа новейшей литературы и статистических данных сделана попытка реконструкции социокультурных характеристик и линии политического поведения представителей партийно-советской элиты в годы Нэпа. Показана неоднородность большевистской элиты в 1922–1928 гг.; прослежено становление двух основных группировок внутри членов ЦК ВКП(б). Формирование в правящей элите (в том числе, в Политбюро) группы убежденных сторонников Нэпа, сумевших вплоть до ноябрьского (1928 г.) сохранять курс новой экономической политики, свидетельствует о потенциальной возможности альтернативного варианта модернизации страны на путях многоукладной экономики

Ключевые слова: Центральный комитет, партия, элита, номенклатура, советское общество.

PARTY AND SOVIET ELITE IN 1922–1928: SOCIO-CULTURAL CHARACTERISTICS AND LINES OF POLITICAL BEHAVIOR

Feldman M. A.

doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies, Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Yekaterinburg, 8th March str., 66, feldman-mih@yandex.ru

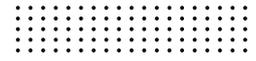
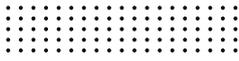
The article attempts to reconstruct socio-cultural characteristics and the line of political behavior of representatives of the party-Soviet elite in the years of NEP on the basis of the analysis of modern literature and statistical data. Illustrates the heterogeneity of the Bolshevik elite in 1922–1928, respectively; traced the emergence of two major factions within the members of the Central Committee of the CPSU(b). The formation in the ruling elite (including the Politburo) of a group of convinced supporters of the NEP, who managed to maintain the course of the new economic policy until November (1928), testifies to the potential of an alternative version of the country's modernization on the pathways of a multicultural economy

Key words: Central Committee, the party elite, the nomenklatura, the Soviet society.

Изучение характеристик руководящего слоя управленческого государства всегда представляет особый интерес. Тем более важным, представляется коллективная биография группы людей, представляющих правящий слой в СССР, обладавших почти безграничными возможностями управления во всех сферах жизни советского общества. Правящая элита или «номенклатурная верхушка» [Хлевнюк, 1996:230], в советский период, главным образом, формировалась из членов ЦК

ВКП(б). В свою очередь, членство в ЦК гарантировало сохранение партийного или государственного поста.

Актуальность такого исследования заключается и в том, что эволюция советских лидеров позволяет проследить реальное соотношение утопических, и, адекватных условиям времени, методов управления; приблизиться к пониманию подлинной истории общества и государства в СССР. В период 1922–1927 гг. происходит не только становление и систематизация

Фельдман М. А.

советской номенклатуры, как особой общности людей, отдаленных от остальных граждан функциональными и социальными отличиями, но и процессы ее внутренней дифференциации.

Определенную роль в раскрытии указанной темы сыграл выход монографии Эвана Модсли и Стивена Уайта «Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены, 1917–1991 гг.», вышедшей в 2011 г. в серии книг «История сталинизма» [Модсли, Уайт, 2011].

Книга Эвана Модсли и Стивена Уайта впервые систематизировала данные о служебном движении около двух тысяч высших управленцев СССР на протяжении всей его истории; рассмотрела вопросы о характере изменений в составе ЦК Коммунистической партии; о степени влияния Пленумов ЦК на выработку политического курса; масштабе представительства основных социальных слоев в советской элите, используя как компаративный, так и биографический методы.

Монография приводит обширные сведения о численности руководящих кадров; характеристиках национального состава; возрастных особенностях; данных по образовательному уровню управленцев высшего звена – членов ЦК большевистской партии; специфике их перемещения по карьерной лестнице. В этом бесспорная заслуга авторов.

Вместе с тем, как представляется, содержание монографии, показывает опасность отрыва социологического знания от контекста исторической эпохи, с ее конкретикой и основополагающими трендами.

В научной литературе последних лет неоднократно отмечалась двойственность «феномена большевизма» [Медушевский, 2013], «антиномичная двойственность советской системы» [Красин, 2017: 15], начиная с событий конца октября 1917 г. Такой подход может служить методологическим основанием исследований «советского проекта» лишь постольку, поскольку из множества векторов и направлений действий различных социальных сил, собственно и составляющих феномен советской истории, можно выделить два основополагающих: **рациональный, связанный с индустриализмом**, объективной необходимостью (в том числе, ради выживания режима) ориентирования на научно-технический прогресс; другой вектор – **утопический**, насыщенный множеством мифов, рожденных пропагандистскими структурами Советской республики и пластом устойчивых традиций (сила религии, вера в лидера/вождя, особенный исторический путь страны), трансформировавшихся в идеи о строительстве социализма, в возвеличивание и мифологизацию создателей и лидеров большевистской партии [Хомяков, 2017].

В силу этого, изучение партийно-хозяйственной элиты СССР определяется не только, и даже не столько динамикой социальных и демографических показате-

лей, сколько *отношением управленцев к рациональному управлению в экономике и степень воздействия на них утопической идеологии*, при понимании всей изменчивости этого отношения в исторической конкретике.

Целый ряд положений монографии Э. Модсли и С. Уайта нуждается в уточнении или в комментариях. Так, по мнению авторов, в отличие от стран Запада, где элита формируется в зависимости от богатства, профессионального статуса, духовного авторитета и близости к политической власти, в СССР важнейшую роль играл сам режим, формируя элиту «внутри партийного аппарата» [Модсли, Уайт, 2011: 6]. Но о каком же конкретном времени идет речь?

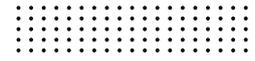
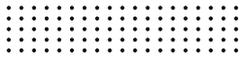
Э. Модсли и С. Уайта справедливо выделяют первое пятилетие существования советской элиты (**ноябрь 1917–1922 гг.**), как этап функционирования «революционной элиты» [Модсли, Уайт, 2011: 22–47]. Если говорить о составе членов ЦК, он был очень подвижен: в силу ежегодных перевыборов на съездах партии; по причине того, что в условиях революции и Гражданской войны часть цекистов либо уходила из жизни, либо (по мнению Ленина, контролировавшего ситуацию) не справлялась с нагрузками и перенагрузками; выбором «правильной» позиции – курса ее вождя.

Однако наблюдение британских авторов: «в 1922 г. руководство страны все еще находилось в руках центрального *государственного аппарата*» [Модсли, Уайт, 2011: 22–27], т.е., СНК и лично председателя Совнаркома, не учитывает важной закономерности послеоктябрьской эпохи (1917–1921 гг.) – совмещения партийных и советских должностей; «концентрации полномочий в руках чрезвычайных органов и должностных лиц, которые, как минимум, разделяли коммунистические идеи» [Бондарь, 2017: 161].

Очевидно и другое: в эти годы менялось соотношение представителей армии, ВЧК, советского и партийного аппарата; усиливалось соперничество руководителей ведомств, и только авторитет Ленина удерживал от прямой конфронтации. В 1922 г. из 46 членов и кандидатов в члены ЦК, только 15 (менее трети) представляли партийные структуры всех уровней [Модсли, Уайт, 2011: 29]. Как видно, указанный принцип Э. Модсли и С. Уайта – формирования элиты из номенклатуры «внутри партийного аппарата» – в первое пятилетие (**ноябрь 1917–1922 гг.**) не подтверждается.

Точное замечание авторов, о том, что в руководстве Советской республики преобладали представители партийных и государственных органов *двух столиц*, действительно говорило о «некоторой замкнутости советской власти». Достаточно сказать, что в 1922 г. 61 % членов ЦК проживали в Москве [Модсли, Уайт, 2011: 29–30].

Но, в большей степени, это объясняется той ролью в Октябрьской революции, которую сыграли Петро-

Фельдман М. А.

град и Москва, подчинив, силой армейских частей, «политически инертные» провинции [Фельдман, 2017]. Кроме того, при той колоссальной нехватке кадров, для быстро растущего аппарата, в Москву забирались наиболее образованные и энергичные работники из губернских структур, «оголяя» в этом отношении провинциальные органы власти [Модсли, Уайт, 2011: 48–50]. Наконец, в 1922 г. только начинался демонтаж сверхцентрализованной модели управления эпохи военного коммунизма.

Расхожим выражением стала констатация доминирования в составе ЦК в период 1917–1922 гг. большевиков из «старой гвардии», с преобладанием, «вышедших из среднего класса, образованных теоретиков, многократно выезжавших за границу, космополитически настроенных», с юношеских лет ставших революционерами [Модсли, Уайт, 2011: 31].

Но так ли было все однозначно? Трудно согласиться с такой характеристикой представителей старой гвардии, как «независимость мышления, ненависть к бюрократии, и романтизм фанатиков индустриализации» [Модсли, Уайт, 2011: 32]. Применительно к периоду Гражданской войны, невозможно говорить о «независимости мышления» людей, в своем большинстве, находящихся в плену марксистской идеологии и ради этого готовых, в той или иной мере, пойти на «кровопускание» своему же народу. Следует понимать, что и теоретизирование в рамках марксизма, как правило, в период 1917–1922 гг. носило схоластичный характер. «Романтизм индустриализации» начал «выветриваться» с принятием плана ГОЭРЛО (т.е. научных принципов организации экономики) и введением, даже в урезанном виде, рыночной экономики уже в годы Нэпа.

Но не это главное. Деление в монографии Э. Модсли и С. Уайта членов ЦК на три категории: ядро революционной элиты, «старую» и «новую» революционную «элиту» [Модсли, Уайт, 2011: 34–36] мало что дает для осмысления эволюции управленцев: в каждой из указанных групп присутствовали большевики, сумевшие уже в 1921–1922 гг. воспринять Нэп «все-речь и надолго»; способные, оказавшись на руководящей хозяйственной работе, к переосмыслению своего отношения к товарно-денежным отношениям, научно-техническому прогрессу и – те, кто оставались догматиками марксизма до конца жизни.

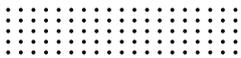
Так, например, среди представителей рационального подхода к экономике мы встречаем А. И. Рыкова и Н. И. Бухарина, В. П. Милютину – из «ядра»; А. М. Коллонтай, Н. Н. Крестинского, Г. И. Ломова – из «старой элиты»; В. В. Осинского (Оболенского), Я. Э. Рудзутака, Н. А. Угланова – из «новой» элиты. Аналогичные примеры можно привести и из числа противников Нэпа.

Мало что дает и такой критерий, как образование: даже среди приведенных выше девяти членов ЦК двое Крестинский, Ломов – имели высшее образование; четверо – учились, но, став профессиональными революционерами, не закончили вузы; двое – Рудзук и Угланов – имели начальное образование. Следует помнить, что, даже получив высшее образование, но, не занимаясь практической работой по специальности, вчерашний студент растрчивает свои знания. В этой связи, версия о «высоком образовательном» уровне (40% членов большевистской элиты *посещали занятия в вузах*, а 20% получили высшее образование) [Модсли, Уайт, 2011:43] «старых большевиков» вызывает сомнение.

Что же касается того, что половина членов ЦК происходила из низших слоев (рабочих и крестьян) – 39 из 78, а около половины – 38 из 78 – принадлежали к великороссам, то эти данные указывают только на предпосылки к формированию политической позиции, но не более того. Собственно говоря, это признают и Э. Модсли и С. Уайт, отмечая, что «мы не можем убедительно классифицировать их («старую большевистскую гвардию») по месту рождения или национальности, по уровню образования либо по принадлежности к тому, или иному социальному слою» [Модсли, Уайт, 2011:42,47].

Э. Модсли и С. Уайт обращают внимание на трагизм судьбы «старых большевиков»: из 62 еще живых в 1936 г. представителей революционной элиты – 44 (71%) стали жертвами политических репрессий [Модсли, Уайт, 2011:46]. Анализ биографий репрессированных показывает: наряду с участниками внутрипартийных оппозиций присутствуют, чаще всего, руководители экономических структур (большевики, перешедших на хозяйственную работу).

Второе пятилетие функционирования «революционной элиты» (1923–1927 гг.) ознаменовалось постоянным ростом численности состав членов ЦК правящей партии (с 46 до 121). Это объяснялось, как стремлением Сталина создать надежную базу в партии в лице своих ставленников, так и увеличением размера и состава советской государственной машины. Так если в 1923 г. только пять из десяти народных комиссаров СССР были членами ЦК, то в 1927 г. – восемь из девяти. Численность работников государственного аппарата всех уровней-членов ЦК (даже без учета вооруженных сил и ОГПУ) – 48 – превышала соответствующий контингент партийных работников (39), что говорило об *определённом балансе сил двух профессиональных групп и даже примерно равном влиянии СНК и партийной верхушки*, занятой до декабря 1927 г. ожесточенной борьбой с внутрипартийной оппозицией. Специфической особенностью первого десятилетия, скорее *символизирующей*, чем отражающую реальную связь партии с рабочим социумом, было

Фельдман М. А.

присутствие в ЦК десяти профсоюзных работников [Модсли, Уайт, 2011:46,75,76].

На протяжении всего десятилетия (1917–1927 гг.) очевидно этнической разнообразие правящей элиты. Более половины членов ЦК (от 52 до 58%) составляли этнические русские; 15–17% – евреи. Никогда больше национальные меньшинства не обладали таким влиянием, ни в высшем руководстве, ни на уровне членов ЦК, как в первом десятилетии советской власти [Модсли, Уайт, 2011:90].

Призывы Ленина к расширению состава ЦК за счет кадровых рабочих привели к тому, что удельный вес выходцев из рабочей среды медленно возрастал, но меняя главного: рабочие в правящем эшелоне оставались меньшинством. К 1927 г. заметно выросло присутствие в составе ЦК профсоюзных лидеров, формально представляющих относительно немногочисленный рабочий социум.

Э. Модели и С. Уайт указывают на высокую степень обновления в составе ЦК (в среднем за пять лет – ежегодно на 20%) [Модсли, Уайт, 2011:65].

Столь значительный масштаб обновления управленческих кадров в середине 1920-х гг., очевидно, был связан с рядом факторов: удалением сторонников оппозиции и заменой их «верными марксистами»; поиском руководящих работников, адаптировавшихся к реалиям Нэпа; отсутствием системы научно разработанных объективных критериев оценки деятельности руководителя. Кроме того, по мнению А. Н. Чистикова, сказывалась нужда в устранении конфликтов в местных партийных структурах; необходимость в разрушении коррумпированных связей; реакция на аморальное поведение региональных лидеров. Если в 1923 г. треть всех секретарей губкомов и обкомов партии были рекомендованы ЦК ВКП(б) [Чистиков, 2007: 161,166], то в период 1924–1928 гг. масштаб «назначенчества» стремительно возрастал. О результатах такого явления, воплотившегося в принцип «назначенчества» можно судить по Уральской области, где за 1925–1929 гг. сменились пять первых секретарей обкома партии! Столь частая смена «первых лиц» говорила о нехватке у Генерального секретаря ЦК устойчивых сторонников среди региональных лидеров.

Выработка «генеральной линии» партии шла (за исключением ожесточенных сражений с внутрипартийной оппозицией) методом постоянной «притирки» позиций сторонников и скрытых (до 1928 г.) противников Нэпа. Значительное число проведенных Пленумов ЦК и совещаний членов ЦК (помимо Пленумов) – в 1923–1925 гг. состоялись 42 Пленума ЦК и 19 заседаний ЦК партии; в 1926–1929 гг. соответственно – 17 и 17 [Модсли, Уайт, 2011:105–106] – указывает, как на необходимость согласования позиций членов ЦК,

так и на множество противоречий между представителями ведомств и территориальных организаций.

Признавая, что роль Пленумов ЦК не была до конца институализирована, следует заметить: именно эти партийные форумы в период 1923–1927 гг. являлись важным политическим институтом в жизни партии и страны. На Пленумах ЦК в 1928–1929 гг. была решена судьба страны, свернувшей с дороги Нэпа на путь форсированной индустриализации.

В этой связи трудно согласиться с мнением Э. Модели и С. Уайт о том, что Пленумы ЦК, как часть политической структуры в период 1923–1927 гг. несмотря на частоту их проведения, так и не превратились в *самостоятельный* политический институт [Модсли, Уайт, 2011:104], даже с учетом того, какое внимание в работе Пленумов ЦК (и в промежутках между ними) было уделено внутрипартийным распрям, а ожесточенная борьба между политическими группировками со своими вождями нередко подменяла политику лавированием одних и безусловной дисциплиной других.

Приведем в качестве примера дискуссию на Апрельском (1928 г.) Пленуме ЦК и ЦК ВКП(б), как характерном моменте столкновения двух основных составляющих векторов советской истории: реализации модернизационного индустриального проекта – и утопического – пути «социалистического строительства».

Каждый из названных векторов имел конкретное историческое наполнение; в апреле 1928 г. практика многоукладной экономики в рамках «Нэпа» вызывала различное восприятие у представителей руководящего органа правящей партии. Вместе с тем, дифференцированные подходы к оценке «новой экономической политики» определялись воздействием ряда иных факторов: решениями XV съезда партии (декабрь 1927 г.), нацеливающими на продолжение курса Нэпа [Данилов, 2000: 6]; положениями проекта Первого пятилетнего плана, в основе которого лежало сохранение нэповской экономики [Перспективы, 1927]. Участники Пленума были знакомы с выводом Проекта пятилетнего плана: «В ближайшие годы, до тех пор, пока эффективность новых вложений не выявится с достаточной силой ... нет смысла форсировать обобществление» [Перспективы, 1927: 45]. У части советской элиты (прежде всего – хозяйственной, близкой к главе СНК СССР и СНК РСФСР А. И. Рыкову, Госплану во главе с Г. М. Кржижановским); постепенно складывалось представление о Нэпе, как о долговременном историческом этапе раннесоциалистического развития.

Указанным факторам явно противоречили догмы марксистской идеологии, связанные с отрицанием рыночной экономики и частной собственности, а также курс на «мировую революцию», нашедший выражение в деятельности Коминтерна. Порожденные коминтерновской деятельностью, конфликтные ситуации

Фельдман М. А.

во взаимоотношениях СССР с Англией и Китаем, отнюдь не содержавшие в себе военной угрозы [Голубев, 2008], были использованы в 1927 г. сверх всякой меры, и конечно, для доказательства не только необходимости применения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок, но и в гораздо большей мере – для сосредоточения власти в руках Сталина и уничтожения любой оппозиции.

Такое многофакторное воздействие на относительно небольшую группу участников Пленума – представителей партийной, государственной, хозяйственной и профсоюзной страт – определяло и многообразие вариантов поведения большевистской элиты.

Можно было запустить ход работы Пленума по намеченному руслу; подобрать «нужных» докладчиков. Однако послеоктябрьское десятилетие завершилось не только организационным разгромом «левой» оппозиции. Осуждению подверглись и теоретические взгляды оппозиционеров антинэповского содержания [Роговин, 1992: 292–294]. В ожесточенных дискуссиях 1926–1927 гг. была фактически *переосмыслена управленческая практика времен Гражданской войны, основанная на чрезвычайных мерах и революционном насилии*. Осудив меры, предложенные Л. Д. Троцким в экономике, а с ними, по крайней мере, наиболее одиозные примеры «чрезвычайщины», большевистская партия оказалась на распутье: дальнейшее продолжение Нэпа означало некоторое ограничение собственного радикального прошлого и авторитарного настоящего.

Наиболее заметным потрясением всей жизни советского общества стала апробация в декабре 1927 – январе 1928 гг. в Сибири сталинской системы репрессий в ходе хлебозаготовок, нашедшей нормативное оформление в директиве ЦК ВКП(б) от 5 января 1928 г., в которой систематизировались и оправдывались чрезвычайные меры в деревнях и селах СССР [Данилов, 2000: 9,11].

Но крутой поворот государственной политики в январе 1928 г. (вопреки решениям XV съезда партии!) к практике чрезвычайных мер вызвал недовольство большинства партийных кадров, только что защищавших Нэп от «левых уклонистов» [Данилов, 2000: 10]. Отражением таких настроений части партийно-государственных верхов (включая ряд членов Политбюро) стали выступления большинства участников Апрельского (1928 г.) Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

В обсуждении доклада «Хлебозаготовки текущего года и организация хлебозаготовительной кампании на будущий год» приняли участие 23 человека-члена Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). При этом (вероятно, по взаимной договоренности) ни Сталин и Молотов с одной стороны, ни Рыков и Бухарин, с другой, не выступали с докладами. Но каждый участник прений точно знал, что любое его слово фиксируется, взвешивается и запоминается.

Девять участников Пленума причиной срыва хлебозаготовок назвали бюрократическое по форме, волюнтаристское по содержанию, вмешательство центральных органов власти в экономические процессы. Фамилия Сталина не звучала, но подразумевалась достаточно очевидно.

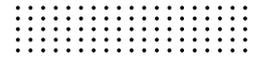
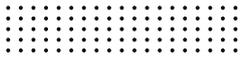
Только четверо участников Пленума однозначно поддержали курс Сталина: Н. М. Шверник, В. П. Милютин, М. М. Хатаевич, В. И. Иванов. Ни по возрасту, ни по образовательному уровню, ни по длительности партийного стажа они не отличались от сторонников Нэпа. Институт «назначенчества» не миновал большинства участников Пленума: частые перемещения по «горизонтали», из губернии в губернию были нормой в 1920-х гг. Дальше, вступали в силу такие факторы, как знания, убеждения, патронажные связи, характер поручений при отправлении «на места».

Еще десять выступающих ограничились частными замечаниями в адрес сельскохозяйственной кооперации, либо сообщениями информационного характера. Казалось бы, представители этой группы уклонились от основного вопроса дискуссии. Однако сторонников Сталина не удовлетворяло в их речах отсутствие развернутой критики кулачества, как главного врага советской власти. Приверженцев Нэпа не устраивал тот факт, что разовое повышение закупочных цен или организационные улучшения в работе кооперации рассматривались в отрыве от выстраивания системы социально-рыночных отношений города и деревни.

Что объединяло сторонников Нэпа на Апрельском (1928 г.) Пленуме ЦК? С учетом того, что А. И. Рыков и Н. Н. Бухарин не выступали по проблеме хлебозаготовок, за исключением В. Я. Чубаря и Н. А. Кубяка, избранных в состав ЦК партии в начале 20-х гг., остальные – стали членами и кандидатами ЦК ВКП(б) в декабре 1927 г. на XV съезде большевистской партии, провозгласившего курс на продолжение Нэпа. Значительное обновление ЦК ВКП(б) в декабре 1927 г. [Модсли, Уайт, 2011:67] произошло во многом за счет **управленцев, выдержавших испытание Нэпом.**

Большинство участников этой группы вступили на путь революции в совсем юном возрасте в 1905 г. Революция 1905–1907 гг. придала представителям «бухаринского поколения» склонность к идеализации рабочего класса и социалистического общества. Два прошедших десятилетия, особенно годы Нэпа, привнесли в поведенческую практику черты прагматизма. Четверо «протестантов» против «чрезвычайных мер» представляли Украину и Сибирь, регионы наиболее пострадавшие от «чрезвычайных мер» в деревнях зимой 1928 г.

В такой ситуации резолюция по вопросу хлебозаготовок [Как ломали Нэп, 2000:317–323] носила противоречивый характер. Вина за их срыв возлагалась

Фельдман М. А.

на «резкое нарушение рыночного равновесия», но без указания виновников. Оправдывался «удар по кулакам и скупщикам-спекулянтам, злостно спекулирующих хлебом».

В то же время, осуждению подлежали «извращения и перегибы, допущенные со стороны партийных и советских органов». Список «извращений и перегибов» в резолюции не оставлял сомнений: *перечислены были все меры, инициированные Сталиным в ходе его сибирской поездки*. Резолюция со всей определенностью подчеркивала: «новая экономическая политика» есть именно тот путь, по которому твердо идет партия и через который только и возможно социалистическое преобразование хозяйства страны» [Как ломали Нэп, 2000:319–320].

Не обладая достаточной политической силой, чтобы объявить нэповские реалии враждебными, Сталин вынужден был маневрировать. Документы, принятые по вопросу о хлебозаготовках носили компромиссный характер, но осуждение «чрезвычайных мер» означало, что сражение по главному вопросу Сталин и его сторонники все-таки проиграли. Сказывалось и то, что даже сторонники Сталина далеко не сразу поддержали генсека в его претензиях на раскол коллективного руководства и единоначалие. В начале 1928 г. сталинская фракция существовала лишь потенциально [Хлевнюк, 2016:154].

Дискуссии на Апрельском (1928) Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) отразили два достаточно противоречивых подхода к реализации «советского проекта».

Резолюции Пленума нацеливали на продолжение Нэпа, как пути наименее конфликтного и наиболее эффективного пути модернизации страны, как, используя выражение В. П. Данилова «единственно реальной политики, направленной на возможно более быстрое развитие разных форм сельской кооперации от первичных форм сбытовых и закупочных до подлинно производственных» [Данилов, 2011:17]. Это означало, что часть большевистской элиты (даже при наличии внутренней цензуры и патрона-клиентских отношений) оказалась способной к эволюции своих взглядов, к восприятию элементов научного видения экономики и социального развития без приоритета насилия.

Однако это не устраивало Сталина и ту часть партии, которая не приняла Нэп. Главные сражения 1928 г. были еще впереди. Непосредственно на Пленуме открыто обнаружилось только различия в подходах к обеспечению хлебозаготовок и отношению к инженерно-технической интеллигенции. Однако за ними просматривались различные концепции социалистического строительства. Шесть дней в апреле 1928 г. были только одним выигранным сражением, только одним моментом прозрения части большевистской элиты, сумевшей понять и осознать выводы ученых-

экономистов. Но из таких моментов, и таких сражений и складывается исторический путь в длительной перспективе. Даже с учетом того, сторонники Сталина (противники многоукладной экономики) смогли взять реванш на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б).

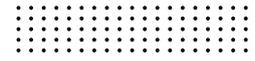
Анализ стенографических отчетов Пленумов ЦК в 1928–1929 гг., блестящий научный комментарий к каждому из Пленумов, принадлежащий В. П. Данилову и О. В. Хлевнюку [Как ломали Нэп], показывает ряд важных особенностей в эволюции советской элиты:

1. Формирование в правящей элите (в том числе, в Политбюро) группы (фракции) убежденных сторонников Нэпа, сумевших вплоть до ноябрьского (1928 г.) сохранять курс новой экономической политики.
2. Воздействие научной мысли (прежде всего, планово-экономической) на позицию членов ЦК [Проблемы, 1929].
3. Чисто внешняя сдержанность дискуссий на Пленумах 1928 г. под предлогом «единства партии».
4. Использование Сталиным, вне одобрения партийных форумов, нормативных и поднормативных актов, разрушающих НЭП.
5. Последовательное вытеснение Сталиным и его сторонниками приверженцев Нэпа из ЦК за счет аппаратных интриг, политического коварства и прямого обмана.
6. Подавление открытого сопротивления сторонников Нэпа на Пленуме ЦК в ноябре 1928 г. не означало полного отказа от рациональной тенденции в действиях советских руководителей.

Фактически, каждому члену ЦК в 1928–1929 гг. пришлось сделать личный выбор между поддержкой научной обоснованности развития народного хозяйства в форме проекта пятилетнего плана, позволяющего решить многие задачи раннеиндустриальной модернизации, на основе сохранения нэповской многоукладной экономики, или пойти за Сталиным, предлагающим вариант ускоренной индустриализации без научного обоснования и экономической аргументации.

Поведение участников Пленумов ЦК в апреле, июле, ноябре 1928 г. убедительно показывает глубокую неоднородность большевистской элиты. Принципиально важным для понимания «феномена большевизма», советской истории является то, что часть членов ЦК ВКП(б), включая трех членов Политбюро, сумела воспринять доводы ученых-экономистов и открыто поддержала курс на сохранение многоукладной экономики. Фактически, это был выбор в сторону развития по пути сочетания плана и рыночной экономики.

Знаменательно, что в 1985 г. Дэн Сяопин признал, что «наиболее правильной моделью социализма была новая экономическая политика в СССР» [Панцев, 2013:413]. Жаль, что это высказывание, видимо,

Фельдман М. А.

не знакомо тем отечественным историкам, кто характеризует Нэп, как «неэффективную модель для решения модернизационных задач» и «вариант стагнации» [Сенявский, 2006:18,20] и, по сути, соглашается с безальтернативностью сталинского варианта развития СССР с конца 1920-х гг.

Резюмируя, замечу, что анализ большевистской элиты в 1922–27 г. свидетельствует о том, что в ней формировались две группировки: одна, прежде всего, связанная с главой советского правительства А. И. Рыковым – осознавшая необходимость реализации модернизационного индустриального проекта на основе многоукладной экономики. Другую – составили противники любого варианта частной собственности.

В упорной борьбе на протяжении всего 1928 г. вверх взяли сторонники Сталина. Однако сторонники Нэпа смогли не только заложить контуры первых пятилетних планов; основы плановой экономики, но и (до своей трагической гибели в 1937 г.) реализовать основные задачи индустриализации в СССР.

Литература:

1. Хлевнюк О. В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.
2. Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены. 1917–1991 гг. М., 2011.
3. Медушевский А. Н. Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // *Общественные науки и современность*. 2013. № 6. С. 111–120.
4. Красин Ю. А. Величие и трагизм советского эксперимента // *Политические исследования*. 2017. № 1. С. 10–23.
5. Хомяков С. В. Культурные символы и мифы имперской России и их трансформация в советской идеологической системе // *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований*. Екатеринбург, 2017. С. 702–708.
6. Бондарь В. И. Конструирование партии большевиков как инструмента власти // *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований*. Екатеринбург, 2017. С. 160–167.
7. Фельдман М. А. В преддверии столетия Октябрьской революции. Некоторые итоги исторических исследований // *Общественные науки и современность*. 2017. № 2. С. 64–75.
8. Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб, 2007.
9. Данилов В. П. Введение. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: исторический источник в контексте эпохи // *Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.*. Т. 1. С. 6–14.
10. Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27 – 1939/31 гг. (Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану). М., 1927.
11. Голубев А. В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // *Отечественная история*. 2008. № 1. С. 36–58.
12. Роговин В. Была ли альтернатива? Троцкизм: взгляд через годы. М. 1992.
13. Хлевнюк О. В. Хозяин. Жизнь одного вождя. М., 2016.
14. Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: Ч. 1. М., 2011.
15. Данилов В. П. Бухаринская альтернатива // *История крестьянства России в XX веке. Избранные труды*. Ч. 2. М., 2011.
16. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. М., 2000.
17. Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний перспективный план на пятом съезде советов госпланов). М., 1929.
18. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. Т. 5. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 16–23 апреля 1929 г. М., 2000.
19. Панцов А. В. Дэн Сяопин. (серия ЖЗЛ). М., 2013.
20. Сенявский А. С. НЭП: Современные подходы и перспективы изучения // *НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты (опыт системного анализа)*. М., 2006.

References:

1. Khlevnyuk O. V. Politburo: the mechanisms of political power in the 1930s. M., 1996.
2. Maudsley E. and White S. The Soviet elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its members. 1917–1991 M., 2011.
3. Medushevsky A. N. The phenomenon of Bolshevism: the logic of revolutionary extremism from the standpoint of cognitive history // *Social Sciences and Modernity*. 2013. № 6. P. 111–120.
4. Krasin Yu. A. Greatness and tragedy of the Soviet experiment // *Political studies*. 2017. № 1. P. 10–23.
5. Khomyakov S. V. Cultural symbols and myths of imperial Russia and their transformation in the Soviet ideological system // *The era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations*. Yekaterinburg, 2017. P. 702–708.
6. Bondar V. I. Designing the Bolshevik Party as an Instrument of Power // *The Epoch of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programs of Social Transformations*. Yekaterinburg, 2017. P. 160–167.
7. Feldman M. A. On the eve of the century of the October Revolution. Some results of historical research // *Social Sciences and Modernity*. 2017. № 2. P. 64–75.

Фельдман М. А.

8. Chistikov A. N. Party-state bureaucracy of the North-West of Soviet Russia of the 1920s. SPb., 2007.
9. Danilov V. P. Introduction. Transcripts of the plenums of the Central Committee of the CPSU (b) 1928–1929: a historical source in the context of the era // How NEP was broken. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (B.) 1928–1929. V.1. M., 2000. P. 6–14.
10. Prospects for the development of the national economy of the USSR in 1926/27–1939/31. (Materials of the central commission for the five-year plan). M., 1927.
11. Golubev A. V. Soviet Society and the “War Alarms” of the 1920s // Domestic History. 2008. № 1. P. 36–58.
12. Rogovin V. Was there an alternative? Trotskyism: a look through the years. M. 1992.
13. Khlevnyuk O. V. Master. Life of one leader. M., 2016.
14. Danilov V. P. History of the peasantry of Russia in the twentieth century. Selected works. Part. 1. M., 2011.
15. Danilov V. P. Bukharinskaya alternative “// History of the peasantry of Russia in the twentieth century. Selected works. Part 2. M., 2011.
16. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (b). 1928–1929 M., 2000.
17. Problems of reconstruction of the national economy for the five-year period (five-year perspective plan at the fifth congress of councils of state plans). M., 1929.
18. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (b). 1928–1929 V.5. Joint plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the CPSU (b). April 16–23, 1929. M., 2000.
19. Pantsov A. V. Deng Xiaoping. (series ZHZL). M., 2013.
20. Senyavsky A. S. NEP: Modern approaches and prospects for studying // NEP: economic, political and socio-cultural aspects (experience of system analysis). M., 2006.